

ОСВОЕНИЕ «ЧУЖОГО» ПРОСТРАНСТВА: АРМЯНЕ-БЕЖЕНЦЫ В «АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ» СЕЛАХ АРМЕНИИ

Статья рассматривает модели культурного освоения «чужого» пространства на примере переселения армян — беженцев из Азербайджана, проживающих сейчас в селах Варденисского района Гегаркуникского региона Армении, где ранее компактно проживало азербайджанское население. Исследуемая группа вынуждена была переселиться в Армению в конце 1980-х годов в результате нагорно-карабахского конфликта¹. Среди этих беженцев были как деревенские жители из сел Ханларского, Шамхорского, Дашкесанского, Шамахинского и других районов Азербайджана, так и городские жители из крупных городов Баку и Кировабада. Осели они в Вардениском районе как сравнительно компактно, так и разрозненно. Поэтому на примере армян-беженцев мы можем наблюдать разнообразные адаптационные механизмы и модели культурного освоения пространства.

Статья написана на основе анализа полевого материала, собранного в пяти селах Варденисского района — в Гегамасаре, Мец Масрике, Покр Масрике, Цапатаге и Сотке. В июне-августе 2006 года в этих селах проводилось включенное наблюдение, а также были сделаны углубленные интервью с жителями сел (всего 32 интервью).

1. «Переселенческое» прошлое Вардениса

Варденисский район имеет богатое «переселенческое» прошлое. После выселения армян персидским шахом Аббасом из многих районов Армении, в том числе из Вардениса, в Варденисе больше столетия проживали тюркоязычные группы, и, несмотря на присутствие памятников армянской материальной культуры (церкви, хачкары, надгробные камни, кладбища и т.п.), до начала XIX века в этом регионе армян практически не было. Русско-турецкая война 1828-29 гг., а затем геноцид армян в Турции в 1915 г. вынудили многих армян из Алашкерта,

¹ В советское время Нагорный Карабах был автономной областью (НКО) в составе Азербайджанской ССР с преобладающим армянским населением. В начале 1988 года Верховный Совет НКО обратился к правительству Азербайджанской ССР с просьбой о воссоединении с Арменией. В то же время в Армении началось общенациональное движение, поддерживающее карабахских армян. Ответом на это стали погромы армянского населения сначала в Сумгаите, а потом в Баку и в других городах и селах Азербайджана. Из-за конфликта армяне Азербайджана были вынуждены покинуть Азербайджан, а азербайджанцы — Армению.

Басена, Муша и Вана переселиться в Варденис. Приехавшие армяне заселили старые, покинутые когда-то армянами же поселения, но в некоторых селах армяне-переселенцы поселились вместе с тюркоязычным населением. Армян-переселенцев принято было называть словом «гахтакан»², тем самым подчеркивая их пришлость, неместное происхождение. Сами армяне-гахтаканы называли тюркоязычных жителей Вардениса «турками». «Хозяевами» на уровне района были «турки» — этническое большинство района.

С самого начала переселенцы-гахтаканы из одной и той же местности старались держаться вместе, и поэтому варденисские армянские села по сей день сохраняют свои земляческие характеристики, в том числе диалект, традиции и культурную специфику. Каждая из этих групп — алашкертцы, басенцы и др. — общалась, в основном, внутри своей группы, создавая свой микрокосмос. Существование этих сплоченных общин до сих пор создает некоторые трудности в формировании региональной идентичности. Однако совместное проживание с тюркоязычным населением в регионе некоторое время способствовало культурно-поведенческой сплоченности армян-переселенцев, так как присутствовал тот «чужой», которому «нужно» было противостоять как группа.

В 1988 г. в результате нагорно-карабахского конфликта Варденисский район покинули азербайджанцы, а в бывших азербайджанских селах поселились покинувшие Азербайджан армяне. Пока азербайджанцы составляли этническое большинство, варденисские армяне составляли группу так называемых «гахтакан». Теперь уже «гахтаканами» оказались новые беженцы. После первой волны эмоционально теплого приема беженцев, между «местными» и «беженцами» начало проявляться отчуждение.

2. Из Хаоса в Космос

Каждая территория, занятая с целью проживания на ней или же использования ее в качестве «жизненного пространства», сначала преобразуется из «хаоса» в «космос», то есть под воздействием ритуала ей придается некая «форма», посредством которой она становится реальной.

Мирча Элиаде. Миф о вечном возвращении.

С социально-конструктивистской точки зрения, «физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального про-

² Гахтакан – это вынужденный переселенец, гонимый.

странства, социальная структура в объективированном состоянии,.. объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений»³. Эта идея французского социолога П. Бурдьё, а также приведенная выше цитата из работы М. Элиаде весьма тесно сопрягаются в нашем исследовании. Полевой материал показывает, что, конструируя свое социальное пространство на новом месте, армяне-беженцы из Азербайджана в некотором роде воспроизводят сотворение мира, т.е. превращают некое дотоле чужое, в некотором роде даже «вражеское», физическое пространство в свой космос. В этой космогонии на подсознательном, а в некоторых случаях и на сознательном уровне происходит противопоставление «своего», принесенного с собой в виде культурного багажа, и «чужого», объективированного в постройках, их декоре, названиях мест и пр. То есть в какой-то степени происходит «объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений».

Хотя в целом Армения для беженцев — не знакомое социально-культурное пространство, а родная этническая среда, Варденисский район мало известен армянам из Азербайджана. Ранние, «советские», миграционные потоки азербайджанских армян практически не заселялись в исследуемом районе, и проживающие здесь старожилы-армяне со своей специфической субкультурой знакомы приезжим меньше других армянских субкультур.

В исследуемых беженских поселениях Вардениса физическое пространство осваивается и конструируется следующими основными способами: (а) наименование и переименование; (б) очищение-освещение-реконструкция; (в) освящение-переосмысление. Эти три процесса, в основном, проходят параллельно и осуществляются на трех уровнях: государственном, общественном/общинном, индивидуальном.

2.1. «В Начале было слово...»

Наименование или переименование являются первыми шагами сотворения. Именно с этого и начинается космогония. Путем наименования или переименования одушевленные и неодушевленные предметы выделяются из совокупности себе подобных предметов. Неслучайно первым делом после рождения ребенка, а иногда и задолго до его появления на свет, родители выбирают для него имя. Завоевывая и заселяя новые территории, а также при смене политического или социального строя для успешного начала конструирования

³ Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 33-52.

новой социальной реальности новому пространству либо давали имя, либо переименовывали его (город, село, квартал, дом и т.п.)⁴. С другой стороны, уже освоенное физическое пространство с помощью названий и имен также конструируется таким образом, дабы подчеркнуть особенности населяющего его сообщества и этим противопоставить данную совокупность людей всем другим. Например, городская топонимика обычно отражает социальное, культурное, физическое (географическое) и политическое пространство данной группы, определяя таким образом, что является «своим» и что «чужим» для данного социума⁵.

После установления политической независимости в Армении, как и во многих постсоветских республиках, параллельно с другими преобразованиями начался интенсивный процесс переименований. Этим способом новое независимое государство как бы старалось идентифицировать себя, найти свое место в большом мире, переосмыслить и воссоздать свой микрокосмос, определить и сконструировать границы своей реальности. В армянских реалиях это происходило прежде всего путем отказа от всего «этнически чужого», «неармянского». «Чужими» в первую очередь стали типично советские топонимы, такие, например, как Лениканан и Кировакан, так как герои советского прошлого (Ленин, Киров) не являлись более достойными увековечения в названиях городов. Новым названиям старались придать этническое звучание, что было обусловлено ассоциацией национальной независимости с этническим возрождением. Топонимы тюркского происхождения подвергались изменению раньше и чаще других неармянских топонимов. Причины здесь глубоко исторические: турки воспринимаются армянами в качестве врага из-за геноцида армян в Турции в 1915 году. Азербайджанцы же считаются этнически родственными туркам народом, часто отождествляются с ними, в первую очередь из-за общности языка и религии, и даже в быту называются «турками». Нагорно-карабахский конфликт, начавшийся в 1988 году, усугубил недоброжелательные отношения между армянами и азербайджанцами⁶. В этом контексте тюркские топонимы свидетельство-

⁴ Таких примеров много: Византион–Константинополь–Стамбул; Санкт-Петербург–Петроград–Ленинград–Санкт-Петербург; Царицын–Сталинград–Волгоград и др. Об именовании и переименовании см. также Abrahamian L. *Armenian Identity in a Changing World*. Costa Mesa, CA: Mazda Publishers, 2006. Ch. 2, 3.

⁵ Неслучайно во многих столицах арабских государств (Каир, Дамаск и др.) есть улицы, носящие названия, присущие арабскому микрокосмосу, такие, как улица Ливана, Бейрута, Багдада, Дамаска, Сирии, или же почти во всех центральных городах СССР в городской топонимике обязательно присутствовали Москва, Ленинград, Киев и т.д. В Вашингтоне, например, центральные проспекты носят названия штатов США – Пенсильвания, Массачусетс и т.п.

⁶ В Армении, как, впрочем, и в Азербайджане, изменение топонимов в период военного армяно-азербайджанского конфликта отражало чувствительное восприятие конфликтующими народами «потерь» и «приобретений»: например, «Шуша» – наиболее часто встречающееся название в списке новых названий в Баку (столице Азербайджана) после потери города Шуша азербайджанцами.

вали если не о физическом⁷, то о виртуальном или историческом, объективно же — о культурном присутствии врага. В этом смысле весьма примечательно, что улица Баку в городе Ереване (столице Армении) была переименована в улицу Арцаха (армянское название Карабаха, оставшегося на азербайджанской территории), а в Азербайджане город Вардашен, чье название напоминало о герое общекавказского движения против Персии в V веке — армянском полководце князе Вардане Мамиконяне, был переименован в Огуз⁸.

Как уже отмечалось выше, в исследуемой местности переименование происходит на трех уровнях: (а) государственном; (б) общественном/общинном; (в) индивидуальном. Административные и крупные географические единицы переименовываются на государственном уровне, тогда как другие, более мелкие по своей значимости географические, физические и внутриобщинные единицы меняются или приобретают новые названия по инициативе общин или отдельных людей. В некоторых случаях индивидуальное или общинное переименование административных единиц может стать официальным, если это не противоречит принципам, которым следует государство и которые закреплены в соответствующем законодательстве.

Несмотря на то, что процесс изменений топонимов в Армении начался почти сразу после приобретения независимости в 1991 году, закон «О географических названиях», регулирующий этот процесс, был принят намного позже, лишь в 1999 году. Закон, в сущности, только закрепил уже применявшиеся на практике принципы переименований и наименований. Закон «О географических названиях» гласит⁹:

«Переименование географических объектов территории Республики Армения разрешается:

- а) при восстановлении исторических названий отдельных объектов;*
- б) при отмене чуждых, неблагозвучных и повторяющихся названий;*
- в) при упорядочении географических названий».*

По закону наименование географических объектов Республики Армения «производится с учетом географических, исторических, культурных, этнографических, бытовых и других местных условий данной местности»¹⁰. Для того чтобы придумать новые названия, соответствующие закону, был создан специальный комитет, в состав

⁷ Когда начался процесс переименований, население азербайджанского происхождения, в основном, уже покинуло Армению.

⁸ Азербайджанский язык принадлежит к огузской подгруппе тюркской языковой группы.

⁹ Закон Республики Армения «О географических названиях». 1999. Ст. 5.

¹⁰ Закон Республики Армения «О географических названиях». Ст. 4.

которого входят профессиональные историки, географы, картографы, лингвисты, специалисты по тюркским, кавказским и другим языкам, востоковеды и др. Таким образом, переименование было поставлено на профессиональную основу.

Анализируя нынешние названия административных и других географических единиц Армении, можно в целом различить следующие типы названий: «сохраненные», «звукоизмененные», «восстановленные», «переведенные», «скопированные» и «сочиненные»¹¹. В Варденисе, где переименование «азербайджанских» сел началось почти сразу после ухода азербайджанцев и с приходом армян-беженцев и, большей частью, было завершено уже к 1991 году¹², мы обнаружили следующие основные стратегии переименований:

- 1) «Восстановление» исторических армянских названий. Таким «восстановлением» является, например, топоним Цапатаг — новое название бывшего азербайджанского села Кзлкенд. В гаваре Сотк Сюникского ашхара Мец Айка¹³, на территории которого находится нынешний Варденисский район, существовало село под названием Цапатаг.
- 2) «Обармянивание» азербайджанских и других неармянских топонимов путем восстановления старых армянских названий. Покр Масрик и Мец Масрик — новые названия сел Покр Мазра и Мец Мазра. С первого взгляда может показаться, что в случае этих сел мы имеем дело с «обармяниванием» звуков, фонем — Мазра превращается в Масрик. Но на самом деле это восстановление обазербайджанившихся прежних армянских топонимов. В том же Соткском гаваре Сюника, на территории нынешнего Вардениса, существовали как село Масрик¹⁴, так и одноименная равнина и река, причем в разные времена река и равнина назывались *Мазра*, *Сотк*¹⁵. Именно в этой равнине находятся села Покр (Малый) и Мец (Большой) Мазра, которые были переименованы в Масрик в 1991 году. То же самое произошло и с названием поселка Зод, который был переименован в Сотк. Опять же, с первого взгляда новый топоним кажется «звукоизмененным», хотя на самом деле

¹¹ Габриелян М., Дабагян А. Изменение топонимов на территории арцахского противостояния: этнографическое исследование. С. 8 (рукопись, на арм. яз.).

¹² Вывод автора, сделанный на основе анализа «Словаря топонимов Армении и прилегающих областей», см. Акопян Т. Х., Мелик-Бахшян С.Т., Барсемян О. Х. Словарь топонимов Армении и прилегающих областей в 5-и томах. Ереван: Издательство Ереванского государственного университета, 1986-2001 (на арм. яз.).

¹³ Мец Айк (Большой Айк) — это одна из основных четырех частей исторической Армении. В данном контексте ашхар — это административная единица, примерно соответствующая нынешним марзам (регионам) РА. Сюник — это ашхар на северо-востоке Большого Айка. Каждый ашхар состоял из нескольких гаваров (районов). Сотк — гавар на северо-западе Сюникского ашхара Айка. См. Акопян Т. Х., Мелик-Бахшян С.Т., Барсемян О. Х. Указ. соч. Т. 4. (1998). С. 639, 651.

¹⁴ Акопян Т. Х., Мелик-Бахшян С.Т., Барсемян О. Х. Указ. соч. Т. 4 (1998). С. 651.

¹⁵ Там же. Т. 3 (1991). С. 709.

является «восстановленным» названием старого армянского поселения¹⁶.

- 3) «Сочинение» новых названий. Например, Гегамасар – новое название бывшего азербайджанского села Шишкая. Название было придумано писателем-беженцем Владимиром Абраамяном, который ныне проживает в Гегамасаре. Когда начался процесс переименований в Варденисе, он предложил это название в письме, адресованном первому президенту независимой Армении Левону Тер-Петросяну. Происхождение топонима связано с тем, что Гегамасар-Шишкая находится у подножья Гегамского хребта: Гегамасар буквально означает «Гегамская гора». Шишкая назывался и пик горы Гегамского хребта, который можно увидеть из села, теперь он называется Грасар.

Необходимо отметить, что практика переименований охватила не только беженские, но и старые поселения, издревле или сравнительно давно заселенные армянами. Однако предложенные государством новые официальные названия в большинстве своем еще не вошли в обиход даже среди беженцев. Они уже появились на картах, в дорожных знаках, в официальной переписке, но окрестные жители часто продолжают называть села по их старым именам – Шишкая, Мазра, Зод и т.п. Даже Варденис, который был переименован еще в 1969-ом году, многие до сих пор нередко продолжают называть Басаргечаром¹⁷. По всей видимости, нужно не одно поколение, чтобы новые названия прижились. Два остальных уровня – общественный и индивидуальный, хотя и были задействованы при выборе топонимов поселений, на самом деле являются не столько инициаторами, сколько пассивными либо активными пользователями этих названий. Однако именно на этих уровнях, т.е. общественном и индивидуальном, происходит название и систематизация внутреннего пространства поселений (сельские кварталы, улицы, пастбища, горы и остальное географическое окружение, названия памятников).

В этом контексте стоит рассматривать села беженцев отдельно от смешанных сел. В тех селах, которые были в прошлом исключительно азербайджанскими, поселившиеся здесь беженцы оказались в практически «пустом», безымянном пространстве. В таких случаях им приходилось заново придумывать, т.е. творить и конструировать новую сельскую микропонимику. Интересно, что новые названия в большинстве своем отражали реалии «нового» пространства, физическую, географическую, строительную и другую специфику «нового» села даже в тех случа-

¹⁶ Там же. Т. 4 (1998). С. 651.

¹⁷ Басаргечар происходит от турецкого басар — нападать, растоптать и гечар — пройти. Акопян Т. Х., Мелик-Бахшян С.Т., Барсебян О. Х. Указ. соч. Т. 1 (1986). С. 609.

ях, когда население села происходило из одного села в Азербайджане. Например, в Гегамасаре, где большинство населения являются выходцами из Джагира, старые внутрисельские топонимы, в основном, так и не вошли в обиход. Вероятно, это объясняется тем, что люди расселились в новом селе хаотично, в результате чего не сохранилась прежняя система соседства. Поэтому и вновь возникшие кварталы (таги) по своей социальной композиции и планировке отличаются от прежних тагов в Джагире и, следовательно, не могут стать преемниками названий джагирских тагов. С другой стороны, само новое пространство не идентично по планировке старому, оставленному в Азербайджане, пространству.

В смешанных же селах, где армянское население присутствовало до прихода беженцев, процесс культурного воспроизводства топонимов не прерывался. Поэтому беженцы должны были лишь выучить уже существующие названия. В данном случае беженцы оказались прямыми преемниками «чужого» пространства (улиц, кварталов, ранее компактно населенных азербайджанцами), в том числе и топонимики. Например, в Мец Масрикe они стали новыми обитателями азербайджанского квартала — «турки таг» (букв. — турецкого тага), который продолжает так называться до сих пор.

После прихода беженцев в селах появились и новые названия тагов (кварталов), улиц, памятников и т.п. Переименования такого рода можно классифицировать по следующим группам:

- названия, «привезенные» из мест бывшего проживания (например, Панд);
- названия, связанные с событиями/людьми на новом месте проживания: например, таг такого-то человека (общезвестной личности, проживающей в этом таге, и т.д.);
- названия, связанные с географической спецификой или ландшафтом новой местности: Верин (Верхний) таг, Неркин (Нижний) таг;
- названия, связанные с хозяйственной деятельностью, и другие названия, продиктованные функциональным назначением местности: *айгинер* (сады), *гомер* (хлева) и т.п.;
- названия с религиозным подтекстом, данные после того, как, например, на этом месте было видение святого; такие истории косвенно подтверждают «законность» пребывания пришлого беженского населения беженцев на этой земле.

2.2. Очищение-освещение-реконструкция

В большинстве случаев беженцы поменяли свой микромир, «свое» жизненное пространство, в том числе дом и хозяйственные постройки-

ки, сад, огород, а также созданную и приобретенную в течение всей жизни совокупность вещей, с азербайджанцами вслепую, практически не имея представления о своем новом мире. Если «свое» пространство они конструировали сами, прилагая при этом все усилия, внося смысл и душу в каждый акт творения, в каждое новое приобретение (от мелких вещей до мебели и домашней утвари), соотнося свое будущее и будущее своих детей с каждой новой постройкой, с каждым посаженным деревом, то теперь они оказались в пространстве, которое было сконструировано кем-то другим, говорило о чужих надеждах, стремлениях, о чужой жизни. Это «новое» физическое пространство было воплощением «врага-чужака». Для того чтобы физическое пространство стало социально и эмоционально приемлемым, оно в первую очередь «очищается» от присутствия «чужака».

Полевой материал показывает, что заселяя новое пространство, почти сразу же после спада эмоционального перенапряжения, связанного со спасением и переселением, беженцы берутся за очищение и реорганизацию жилья, т.е. индивидуального пространства. В первую очередь делают генеральную уборку: чистят, моют, убирают дом, другие постройки, двор, сад, т.е. символически обновляют пространство и вносят в него свой порядок. Параллельно с уборкой стараются менять обстановку – переставляют мебель, обклеивают стены «своими» фотографиями, афишами, картами, рисунками, календарями, выбрасывают ненужные им вещи и т.п. Как только появляются финансовые возможности, делают ремонт, меняют архитектурное решение дома.

В данном случае этничность не является решающим фактором в определении «своего» и «чужого». Уборка и прочие перестановки, как правило, совершаются при любом переезде в новый дом, и неважно, принадлежал этот дом представителю «своей» или «другой» социальной, культурной, этнической, религиозной группы. Важно, что пространство это «чужое» и надо его переделать в «свое». Однако, как видно из приводимых ниже цитат из интервью, беженцы подчеркивают чуждую «этничность» пространства и свое стремление «армянизировать» дом:

Ну каким бывает азербайджанский дом — темные стены, нет света, никаких удобств... Мы перекрасили стены в белый цвет, и сразу стало светлее, стало по-армянски.

Когда только приехали, впали в такую депрессию: зеленые стены, без окон, без света, комнаты одна через другую — типичный азербайджанский дом... Перекрасили стены, открыли окна... ничего, вроде бы стало уютнее, но наш дом был лучше...

Мы такой дом оставили¹⁸... приехали, а тут ничего нет, даже хлев построен в доме, рядом с кухней... Ну мы и поменяли, хлев превратили в чулан, немножко перестроили дом, построили баню...

«Армянское» и «неармянское» в основном определяется с помощью противопоставления «свое – чужое». В данном случае большое значение придается цветам. Считается, что темные тона и такие цвета, как синий и зеленый, – это «чужие», азербайджанские цвета и что у армян не принято красить внутренние стены дома такими цветами. «Своими» считаются более светлые оттенки – белый, кремовый, светло-голубой. Подчеркивается также освещенность и внутренняя планировка — менее приватная и менее функционально разделенная в азербайджанском доме.

Реорганизация и реконструкция общинного пространства происходит на общественном уровне. В этом плане проводятся другого рода мероприятия. Дело в том, что постройки общественного характера, такие как здание сельской администрации, дом культуры, здание школы и детского сада не ассоциируются с «чужаками», поскольку в основном построены при советской власти и являются типовыми для того времени зданиями. Эти здания свидетельствуют об общем, совместном советском прошлом, о прошлых социальных отношениях, в целом – о советской конструкции социального пространства, и в этом плане даже привносят что-то «свое» в это «чужое» пространство. Именно поэтому общинное пространство советского времени, а именно центральная площадь села, здания сельсовета, школы, детского сада, дома культуры, медпункт или магазин в основном не подвергались существенной реконструкции. Правда, некоторые здания впоследствии были отремонтированы, но, главным образом, из-за ветхости.

Иначе обстоит дело с несоединенным общинным пространством. Самым ярким примером в этом плане являются сельские кладбища. В тех селах, где раньше жили исключительно азербайджанцы, до прихода армянбеженцев существовало только азербайджанское кладбище. После переселения и первых случаев смертей на новом месте армяне закладывали свое кладбище. Обычно оба кладбища находятся на окраине селения, причем часто армянское кладбище закладывается на окраине, противоположной азербайджанскому кладбищу. Сначала захоронения делались хаотично, но постепенно организовалось упорядоченное армянское кладбище.

¹⁸ Реальность и легенды об оставленном имуществе часто невозможно отличить. Иногда люди описывают в розовых тонах свою прошлую жизнь, свой «потерянный рай». Даже те люди, которые в результате переезда, по свидетельству бывших соседей-односельчан, больше приобрели, чем потеряли в бытовом плане, все время жалуются, что оставленное ими было намного лучше. Очевидно, что в описаниях прошлой жизни, оставленного имущества люди больше склонны к приукрашиванию, а в рассказах о новой жизни – к приبدнению.

К несоветскому общинному пространству принадлежат также памятники доазербайджанской материальной культуры. В большинстве своем это либо заброшенные армянские церкви и часовни, либо хачкары¹⁹ и руины других армянских памятников. Отношение к таким памятникам особое, мы обсудим это в следующем разделе.

3. Новые и старые памятники: освящение и переосмысление

Памятники материальной культуры и сакральные места играют важную роль в обеспечении культурной преемственности, сохранении групповой памяти и также эмоциональной сплоченности группы. Такие памятники и связанная с ними ритуально-праздничная жизнь вносят значимый вклад в формирование групповой идентичности. Неслучайно диаспоры, объединенные в общины, придают особую важность строительству церкви или другого строения ритуально-религиозного характера, которые становятся не только центром объединения, но и символом отличия от доминирующей культуры.

В нашем случае такие памятники имеют свои особенности. С одной стороны, в них воплощается стремление отличаться от местного населения (от старожил-армян Вардениса, так называемых «местных»), с другой — желание восстановить «потерянный» мир (структуру жизни в армянских поселениях Азербайджана) на новом месте. Эти памятники интересны еще и тем, что некоторые из них связаны с групповой памятью «прежней» жизни, а другие уже принадлежат новой действительности²⁰. Универсальным для таких памятников является то, что с их помощью новое пространство как бы *освящается* и таким образом становится приемлемым уже на сакральном уровне.

Эти памятники, сакральные места и места паломничества можно условно сгруппировать следующим образом:

- Памятники, привезенные из мест бывшего проживания;
- Местные «забытые» старые памятники, которые с реармянизацией и рехристианизацией «новых» поселений начинают жить новой жизнью;
- Новые памятники.

¹⁹ Хачкар (крест-камень) – распространенный в Армении тип памятника, который воздвигался в ознаменование памятного события, в качестве могильного памятника. В настоящее время сфера использования хачкаров значительно расширилась: они стали обязательным компонентом в разного рода мемориалах, в том числе государственных, ими оформляют всевозможные объекты немемориального назначения, делают сувениры в виде маленьких хачкаров и т.п. Можно сказать, что они стали сегодня типичным маркером армянской идентичности. См. об этом: Petrosyan H. The Khachkar or Cross-Stone // Armenian Folk Arts, Culture, and Identity / Ed. by L. Abrahamian and N. Sweezy. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2001. P. 60-69.

²⁰ Харагян Л. Новые сакральные места или групповое самоутверждение? // XII конференция молодых востоковедов Армении. Тезисы докладов. Ереван: Институт востоковедения НАН РА. 2001. С. 26 (на арм. яз.).

3.1. Памятники, привезенные из мест бывшего проживания

Имеющийся полевой материал показывает, что в процессе воссоздания «своего» социального пространства на новом месте важную роль играют символы, идеи, вещи, привезенные из «своего» мира. Они как бы помогают сохранять связь с прошлым, с предками, помогают не затеряться полностью в этом новом мире, сохранить свое Я и свой социально-культурный колорит.

Например, беженцы из села Кушчи (Хачакап) Дашкесанского района Азербайджана привезли с собой *хачкар* из Таргманчац Ванка²¹. Этот *хачкар* сейчас находится во дворе одного из жителей села Цапатаг. Во время наших неоднократных визитов *хачкар* всегда находился в ухоженном состоянии, вокруг него всегда были свежие цветы, горели свечи. Перевоз *хачкара* был инициативой одной женщины (именно у нее во дворе и находится *хачкар*), которая в ночь отъезда из Хачакапа ходила в монастырь Таргманчац. В последнюю минуту она взяла с собой один из малых хачкаров высотой в 60-70 см — «*это святой*²² *нашей земли, как кусок нашей земли...*». Железный крест купола церкви Таргманчац, который так и называется беженцами «*наш крест*», по свидетельству нескольких респондентов-цапатагцев, находится в соседнем селе Джил. С тех пор как хачакапцы переехали в Армению, все наиболее важные жертвоприношения они совершают у «своего креста», отмечая: «*Какое нам дело до других? Что, нам оставить свой крест и пойти к другим, что ли?*»

В данном случае мы имеем дело с символами общественного характера, которые помогают сохранить целостность общины и обеспечивают связь с прошлым. Ту же функцию на индивидуальном уровне выполняют привезенные горстки земли из могил предков. В некоторых случаях после смерти и похорон первого родственника на новом месте рядом с могилой этого родственника появлялся надгробный камень (плита) с надписями имен предков/родственников, могилы которых остались в Азербайджане. Если семья привезла с собой горсть земли, ее засыпали в новую могилу. Первые могилы становятся своего рода индивидуальными памятниками, куда родственники приходят в памятные дни, поддерживая таким образом чувство принадлежности к роду.

²¹ Таргманчац ванк — монастырь Таргманчац, церковный комплекс в Утикском ашхаре Большого Айка, в гаваре Гардманадзор. Руины находятся на территории Дашкесанского района Азербайджана, севернее села Кушчи (Хачакап). См. Акопян Т. Х., Мелик-Бахшян С. Т., Барсегян О. Х. Указ. соч. Т. 2 (1988). С. 420.

²² В армянской традиции реликвии часто отождествляются со святыми. См. Марутян А. Явление «тан сурб», проблема истоков и сегодняшние проявления // Армянские святые и святылища. Ереван: 2001. С. 337-346 (на арм. яз.).

3.2. «Реанимированные» памятники

Христианские символы и памятники в бывших азербайджанских селах Вардениса – церкви, часовни, хачкары и др. с приходом армян-беженцев были ими «обнаружены», «вымыты» и «очищены». Иногда такие памятники были буквально выкопаны из-под земли и поставлены на пьедестал. Эти памятники приобрели новый смысл в жизни беженцев и стали местами их паломничества и жертвоприношений. Так как вновь прибывшие беженцы не знают истории и смысла этих памятников, такие памятники, в основном, «безликие», и их имена формируются на основе имен и фамилий людей, которые живут по соседству и заботятся о них. Таким примером является часовня и четыре замечательных *хачкара* возле часовни в Покр Масрике, которые были выкопаны из-под земли, поставлены на пьедестал и до сих пор оберегаются и чистятся одной старой женщиной-беженкой из села Чардахлу Шамхорского района. Именно ее именем и называют односельчане этот комплекс памятников – «Часовня Марго».

Некоторые беженцы говорили, что видели во сне святых или *хачкары*, которые просили их выкопать. Таких случаев много, они есть почти во всех селах. В Цапатаге, например, нашлось несколько таких «святых». Один из них является примитивным *хачкаром* и находится во дворе одной беженки. Называют этот камень «Святая Гаяне». Беженка видела сон, в котором «святая» сообщила, что она находится в углу ее сада под землей и попросила вывести ее на свет божий, почистить и поставить, чтобы «она могла служить нуждам людей». По просьбе жены муж ископал указанное место и действительно нашел *хачкар*. Теперь вокруг *хачкара* посадили цветы, и люди по субботам-воскресеньям ставят здесь свечки, делают жертвоприношения.

В том же Цапатаге во дворе одной семьи беженцев находится другой *хачкар*. Все, кто первыми соприкасались с этим *хачкаром*, погибли. По словам домохозяйки, сразу после переселения в Цапатаг и заселения нового дома во дворе нашли старый *хачкар*. Он лежал «лицом вниз», наполовину утопленный в земле. Муж решил «извлечь *хачкар* из-под ног и поставить так, чтоб он стоял». Ему в этом деле помогали брат жены и муж ее сестры. В процессе извлечения *хачкара* из-под земли они случайно отбили кусок камня. Муж сразу же заявил, что это плохая примета и что он умрет: «*Может, не стоило трогать хачкар?*». Буквально через два часа между мужем и тестем завязалась ссора, и тесть убил мужа ударом лопатки. Сам тесть скончался три года спустя в тюрьме. Брат жены скончался от инфаркта через год, а муж сестры был убит чуть позже. Таким образом, все люди, связан-

ные с «реанимацией» *хачкара*, умерли, причем большинство – неестественной смертью. Подобные истории быстро распространяются, и начинаются поиски объяснения причин.

3.3. Новые памятники

Существует несколько типов новых памятников. Первым, наиболее распространенным типом являются памятники *азатамартикам* — борцам за свободу²³. Такие памятники в последнее время очень распространены в Армении, однако им присуща также определенная локальная специфика. Так, в некоторых селах (Цапатаг, Покр Масрик) поставили *хачкары* в память фидаинам-односельчанам, погибшим в Карабахской войне. В других селах (например, в Сотке) поставили безымянный *хачкар* – в память всем погибшим фидаинам. Чаще памятники ставятся по инициативе и на деньги землячества. Например, в Цапатаге, в котором преобладают выходцы из Хачакапа, памятник поставлен хачакапцами, проживающими ныне в разных местах, и, по сути, посвящен трем погибшим хачакапцам, двое из которых даже не успели пожить в Цапатаге. Без сомнения, в данном случае мы имеем дело с еще не сложившимся общинным сообществом, хотя следует учитывать, что возвели памятник хачакапцы, никогда не проживавшие в Цапатаге, то есть не имевшие с цапатагцами ни эмоционального настоящего, ни запланированного будущего, а только прошлое. А вот в Покр Масрике памятник посвящен одному парню из Кировабада, который ушел на войну добровольцем из Масрика. Здесь памятник был поставлен усилиями жителей Покр Масрика, приехавших из разных мест, а также с помощью нескольких местных варденисцев. В первом случае землячество определяется по старому месту жительства, тогда как во втором обитатели нового места жительства, приехавшие из самых разных мест, определяют своего общего героя и ставят ему памятник. Видимо, мы имеем дело с проектированием общинности: в одном случае, направленном на прошлое, в другом - на будущее.

Вторым типом новых памятников являются памятники, свидетельствующие о «беженских» корнях населения села. Такие памятники имеют более «текстовый», «фиксационный» характер, через них «передается» история: откуда, когда и почему приехали беженцы. Памятник такого типа имеется в Гегамасаре. Простой камень поставлен на видном месте у перекрестка двух дорог. На камне изложен следующий текст:

²³ «Азатамартик» в дословном переводе с армянского означает «борец за свободу». Азатамартиками или фидаями армяне называют добровольцев, которые участвовали в партизанских боях против турок в конце XIX - начале XX вв. Этим же словом называют добровольцев Карабахской войны.

1988 Г.
 ОСТАВИВ ДОМ
 ЗЕМЛЮ И САД
 СВЯТЫЕ МОГИЛЫ
 СЕЛО ДЖАГИР
 ИЗ СТАРОГО ГАРДМАНА
 ПЕРЕСЕЛИЛОСЬ И ДОШЛО
 ДО ЭТОЙ ДЕРЕВНИ
 ПРИШЛИ
 СОБРАЛИСЬ
 ИЗ ДРУГИХ МЕСТ
 В КРАСИВОМ СЕЛЕ
 ГЕГАМАСАР
 НАПИСАЛ - БЕГЯН МЕХАК

В третью группу можно отнести «материализацию» на новом месте сакральных героев и символов оставленной родины. Таким является памятник Панду в Сотке. Панд – сокращенное имя святого Панталеона, о котором автор «Общехристианских святых» Шнорк Архиепископ Галустян пишет, что он «*был ... сыном отца-язычника и матери-христианки... Своей деятельностью Панталеон противодействовал трем видам зла – бедности, болезни и греху, так как имением Иисуса лечил больных, помогал бедным и спасал души...*»²⁴.

Панталеон был одним из самых популярных в Кавказской Албании святых еще в раннем средневековье. Мощи Панталеона хранились в Арцахе, в Дютакане²⁵, где впоследствии его культ обрел большую популярность. Беженцы из Дашкесанского и Ханларского районов Азербайджана на своей родине каждый год в третье воскресенье августа²⁶ совершали большое паломничество к «Святому Панду на горе Панд», который находится на территории современного Дашкесанского района. Совершали жертвоприношение, угощали друг друга, пиروвали весь день, иногда даже оставались на ночь. В паломничество ходили взрослые и дети, семьями, иногда целыми селами, для участия в празднествах приезжали родственники и односельчане, проживавшие в Баку, Ереване и других городах.

²⁴ Шнорк Архиепископ Галустян. *Общехристианские святые*. Ереван: «Гандзасар» Богословский Центр, 1997. С. 200 (на арм. яз.).

²⁵ Каланкатвацци М. *История страны Алуанк*. Ереван: Издательство АН Арм. ССР, 1983. С. 62-63, 86. (на арм. яз.).

²⁶ Несколько источников свидетельствуют, что жертвоприношение Панду совершалось в день Пресвятой Богородицы. Бархударян М. *Арцах*. Ереван: «Гандзасар» Богословский Центр, 1996. С. 175 (на арм. яз.); Лалаян Е. *Труды*. Ереван: Издательство АН Арм. ССР 1988. Т. 2. С. 321-468 (на арм. яз.).

Жители села Сотк, родом из тех мест, где Панд пользовался огромной популярностью, решили «перевезти» Панда в Армению, чтобы иметь «своего» святого. Однако восстановленный Панд²⁷ – это на самом деле *хачкар*, возведенный главой сельской администрации в 1999 г. в честь погибших азатамартиков, который установлен высоко в Гегамских горах, далеко от села. На *хачкаре* написано: «*В память погибшим борцам за свободу*». По словам инициаторов установки памятника, они «хотели сделать два дела сразу – и Панда восстановить, и память наших ушедших братьев сохранить»²⁸. Жители Сотка, особенно те, которые родом из села Геташен (глава сельской администрации тоже из Геташена), теперь в августе празднуют «своего» Панда возле этого *хачкара*. Панд Сотка – это и новый, и старый памятник одновременно, своего рода символ воскресенья, продолжения жизни на новом месте.

В Сотке есть церковь, имеются *хачкары*. Однако наши беседы с беженцами свидетельствуют, что для новых жителей Сотка и церковь, и *хачкары* какие-то «чужие». Чужие в том плане, что переселенцы не имеют эмоциональной и исторической памяти, связанной с этой церковью и с этими *хачкарами*. Наши беседы с новыми жителями Сотка свидетельствуют также, что переселенцы не знают названий или истории этих памятников или же легенд, связанных с ними. В противоположность этому, большинство жителей села имеют общую память, связанную со «своим» святым – Пандом.

«Старые» памятники «нового» мира, без имени и без истории, для них настолько чужды, что один из наших информантов даже спросил: «*Не можем ли мы назвать хачкары* (подразумевая имеющиеся в деревне хачкары XIII-XVII вв. – Л.Х.) *Пандом?*». Другой наш информант – пожилая женщина из села Зурнабад говорила:

У нас был Панд, наш день Панда, день святого... после 22-го августа приходит наш день Панда. Говорили, что это день жертвоприношений, так мы и делали. Для моего внука мы это делаем каждый год. Его отец дал слово, что пока он жив, каждый год в день Панда будет делать мата²⁹ для своего сына. Сейчас в местной церкви делаем (имеет в виду церковь села Сотк – Л.Х.). Идем, ставим свечки, потом возвращаемся и делаем жертвоприношение.

Ее внук, проживающий в Ереване, рассказывал потом, что раньше, когда дедушка и бабушка еще жили в Зурнабаде, каждый год по-

²⁷ Этим именем называли и памятники, реликвии святого

²⁸ Имеются в виду друзья-односельчане, погибшие в Карабахской войне.

²⁹ Жертвоприношение.

сле 20-го августа они всей семьей из Еревана ехали в Зурнабад, где собирались также родственники из Баку, Кировабада и других мест и вместе совершали паломничество к святому Панду, где и делали жертвоприношение. После переезда дедушки в Сотк жертвоприношение совершается в местной церкви. Стоит подчеркнуть тот факт, что, по мнению внука, церковь Сотка была построена в 1992 году, тогда как реальная дата постройки — 1276 год³⁰. То есть для него эта церковь и, по всей вероятности, Варденисский район в целом не существовали до того, как часть его жизни — дедушка с бабушкой и традиционное жертвоприношение — оказалась перенесенной в Сотк.

* * *

Наши наблюдения показывают, что практики освоения пространства, используемые беженцами, в целом повторяют универсальность космогонии, т.е. не очень отличаются от подобных практик, применяемых другими людьми/группами при освоении других пространств. Как мы попытались показать в статье, «новое» пространство в первую очередь называется (переименовывается), потом «очищается» и реконструируется как физически, так и сакрально (освящается). Процесс этот происходит на трех взаимодополняющих уровнях — государственном, общественном и индивидуальном.

Особую роль в реконструкции социального мира беженцев и формировании культурной преемственности играет их принадлежность в прошлом к одному и тому же месту — селу, району, городу, одним словом, принадлежность к общему физическому и социальному пространству. Именно поселение по земляческому принципу позволяет беженцам частично воссоздать социальный и символический порядок, существовавший до переселения, спроецировать на новое физическое пространство свои старые социальные отношения. Но сохранение землячества обостряет у беженцев чувство, что «их» место, «потерянный рай», все-таки осталось на родине — в Азербайджане. Это чувство, с одной стороны, замедляет процесс конструирования нового, варденисского социального пространства, с другой стороны, способствует солидарности беженцев, делая их жизнь более комфортной, а культурную и социальную картину района более колоритной.

³⁰ См. Акопян Т. Х., Мелик-Бахшян Ст.Т., Барсегян О. Х. Указ. соч. Т. 2 (1988). С. 312 (на арм. яз.).